

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 22-го Декабря 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 1803.

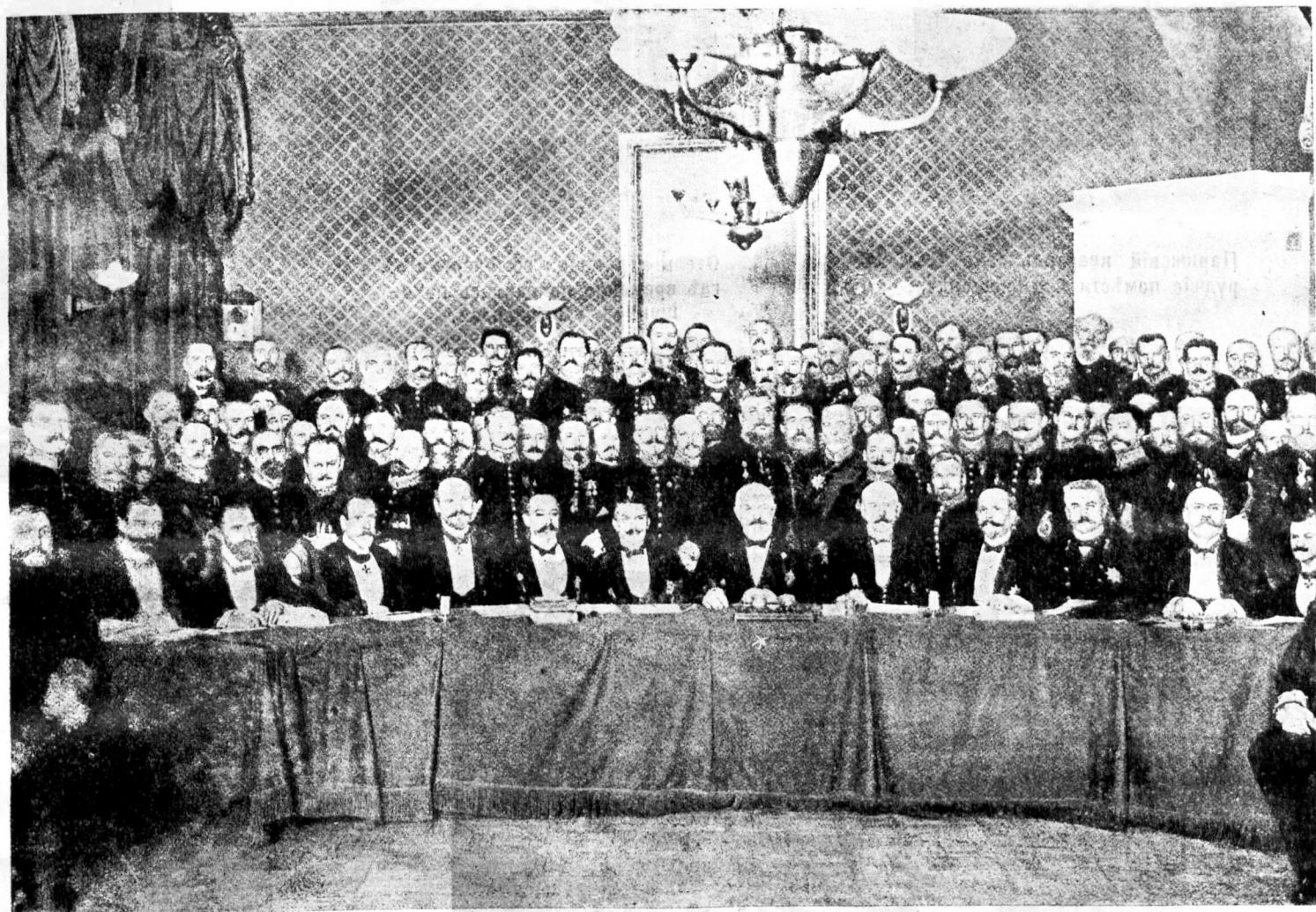
УРОДЪ.*

— Мы жили въ мачевской деревнѣ, около Вероны. мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда умеръ отецъ. Онъ очень любилъ меня и оставилъ мнѣ солидную часть своей земли. Я была молодой и глупой — поселилась съ братомъ, который тогда уже женился. Сначала все шло хорошо. Но потомъ, постепенно, братъ завладѣлъ вѣмъ моимъ имуществомъ, и вся семья

ми жалобными глазами. Она кашляла, ей было тяжело дышать. Красные пятна на ея щекахъ разгорѣлись еще болѣе.

— Однажды вечеромъ мы видѣлись съ Микеле на чердакѣ. Я туда ходила къ нему. Я ничего не ожидала, я была безконечно счастлива, и вдругъ появился съ работникомъ братъ. Онъ оралъ во все горло: — «Убью, убью!». Микеле сказалъ мнѣ: «Не волнуйся. Я его улюкою». Но меня охватилъ такой ужасъ, что я уже ничего не мог-

стирала, все, все. Но меня все таки попрекали хлѣбомъ и скоро начали бить, какъ бьютъ животныхъ. Дѣти подбросили и тоже всячески издѣвались; я стала для нихъ даровой игрушкой. Вотъ эта, — женщина кивнула головой въ сторону дѣвочки, — вся пошла въ матерь. Въ мою пищу она всегда подсыпала песокъ. За обѣдомъ всѣ хотели надѣяться этимъ. Она всегда выдумывала что-нибудь особенное. Въ послѣднее время она придумала новую забаву. Просыпалась ночью, шла въ

Группа предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судей съ министромъ юстиціи И. Г. Щегловитовымъ (*) во главѣ.

естественно старалась, чтобы я не вышла замужъ: они потеряли бы тогда половину своихъ доходовъ. Но я полюбила Микеле. Онъ былъ очень красивый, очень добрый и такой прелестный работникъ. Онъ говорилъ: «Пора тебѣ освѣбодиться отъ своихъ любезныхъ родственниковъ. Мы прекрасно устроимся». Вѣдь, виноградники, синьоръ, принадлежали мнѣ и приносили главный доходъ. Мы обручились. Вотъ тогда все и случилось. Меня грызли дома, хулили и всячески притѣсняли. Намъ съ Микеле приходилось прятаться и выжидать.

Женщина на минуту оставила и посмотрѣла на меня своими громадны-

ла сообразить. Я побѣжала къ лѣстницѣ, сорвалась и полетѣла внизъ. Вотъ и все. Я заболѣла какою то страшной болѣзнью. Микеле ушелъ на военную службу.

Братъ съ женой Анной открыто раздавались мнѣ болѣзни. Анна подходила ко мнѣ угромъ, вороча чай во всѣ стороны мою горячую голову и говорила: «Еще живая». Послѣ этого она била меня по щекамъ. Я же могла защищаться, не могла даже кричать. Не лечили, но все таки выздоровѣла. Только лицо мое долго дергалось, а глаза... Вы сами видите, синьоръ. Я рѣшила, что Бѣгъ меня проклялъ. Послѣ этого со мной уже не переменились: кто посмотрѣть на такого урода! Я работала, какъ вѣтъ, за всѣхъ работала, нянчила дѣтей, готовила,

кухню и заливала мое лицо помоями изъ ведра. Она, надо полагать,ѣла въ соглашеніи съ матерью. Я, вѣдь, стала кашлять и была совсѣмъ неспособна къ работѣ. Вотъ меня и рѣшили выжить.

— Куда же выѣдете теперь; къ доктору?

— Къ доктору? Что вы, синьоръ, — неѣтъ. Они гересылаютъ меня въ Геную, ко второму брату Думаю, мнѣ не будетъ лучше, но я знаю, что скоро умру. Мнѣ все равно. Хуже не будетъ.

Женщина закашлялась и потянулась за своей юрзинкой.

Я досталь ее и раскрылъ.

Она выпила какъ то мутной жидкости прямо изъ бутылки и взглянула на меня съ своею жалобной извѣняющейся улыбкой.

*) Окончаніе. См. прибавленіе къ № 11797 «Южного Края».

ПАРНЯ ПІД

ДЖІОКОНДА.

Паризький кварталъ, гдѣ Перуджіо помѣстилъ «Джіоконду».

Отель «Триполи» во Флоренции, гдѣ временно находилась похищенная «Джіоконда».

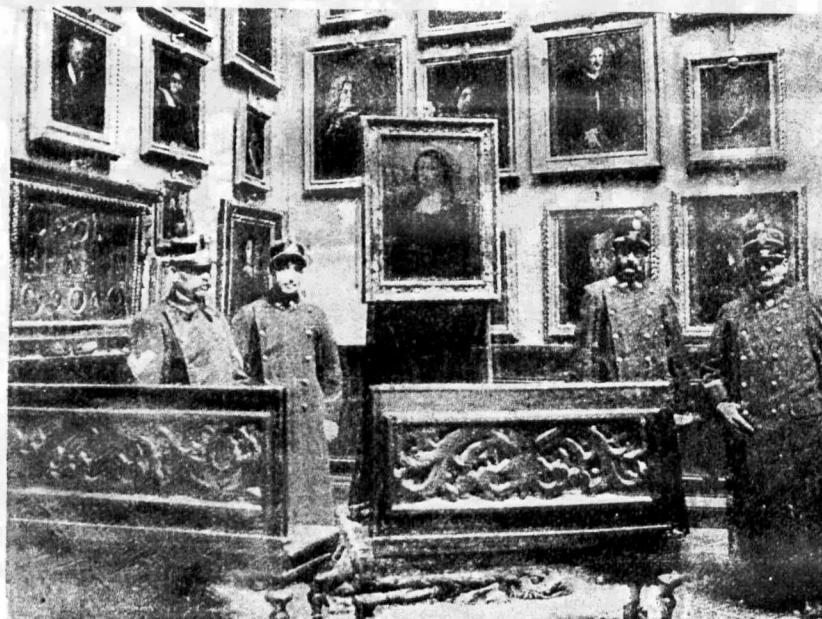
(Окно комнаты помѣчено *).

Признанная «Джіоконда».

Коррадо Рикси,
директоръ изящныхъ
искусствъ.

Погжи,
директоръ картины
галлерей.

«Джіоконда» и стражи.

Рѣдко я такъ жатъ чужого чловѣка. На станціи я купилъ цѣлью корзину фруктовъ. Я чистилъ ихъ и падавалъ женщинѣ, въ то время, какъ дѣвочка, у окна, смотрѣла на меня, какъ на сумасшедшаго, смотрѣла злы-ми, зазистливыми газами.

— Хочешь? — спросила ее больная, протягивая яблоко.

Та молча передернула плечами. Только глаза ея сказали: «Противно мнѣ єсть изъ твоихъ рукъ».

Я очнѣгиль розовую, крупную грушу.

— Попробуйте, она должна быть очень сладкой.

Женщина уже прятнула свою kost-лявшую руку, но вдругъ уронила ее на колѣни. Ея лицо страшно сморщилось,

губы задрожали, сѣрыя вѣки опустились, и тогдѣ крупныя частыя слезы побѣжали по краснымъ скуламъ.

У меня сжалось срѣдѣ. Я всталь, обняль ея сухія дрожащи плечи и говорилъ взволнованно:

— Не нужно, не нужно... Посмотрите лучше въ окно, — горы совсѣмъ близко. Вы ихъ давно уже не видѣли. Посмотрите...

Но слезы капали одна за одной, и женщина тихо бормотала:

— Что вы, синьоръ... Меня, какъ собаку кормили, а вы... Я забыла, когда человѣка видѣла.

Она скватали мою руку и осыпала ее горячими поцѣлуями своихъ вос-паленныхъ губъ.

Толпа передъ музеемъ во Флоренции во время выставки найденной «Джіоконды».

Комната Винченцо Перуджіо въ Парижѣ.

Мѣсто, гдѣ «Джіоконда» провела 2 года.

Альфредъ Жери,

антiquарій во Флоренции, которому была предложена Джіоконда.

Наконецъ, она усюкоиласъ, замолкла спрятала лицо въ платокъ.

Подѣѣжили къ Генуѣ. Я началъ собираться. Потомъ помогъ болѣй хорошенко закутаться.

Когда поѣздалъ замѣдѣть ходъ, женщина начала рыться въ маленькомъ саквояжѣ и, наконецъ, достала оттудї чѣточку, завернутую въ газетную бумагу.

Меня поразило телерь ея лицо. Какимъ чудомъ, въ нѣмъ появился вдругъ нѣжное, совсѣмъ дѣвичье, романтическое и стыдливое выраженіе.

Она развернула свой пакетикъ.

Тамъ были цвѣты.

— Я такъ любила нашъ садикъ, бормотала она, стараясь не смотрѣть

на менѧ. — Прожила столько лѣтъ... Уѣзжая, тихонъко пошла и сорвала себѣ немчего цвѣтозъ... Солько за ними ходила. И прятала, — иначе у меня ихъ вырвали бы...

Она уѣхала гвоздичку, смущаласъ больше, покраснѣла и, подѣѣвъ головы, протянула мнѣ этотъ смятый бѣлый пакетикъ.

— У меня ничего больше нѣтъ... Вы не будете смеяться, синьоръ... Взъмите его на память... А я вѣдь буду помнить до смерти...

— Она хотѣла еще что-то сказать, но, вѣроятно, слезы сжали ей горло. Она безпомощно опустилась на свое мѣсто и спрятала лицо въ платокъ.

† Кардинал Рамполя.

Поездъ сстановился. Шумъ, суета.
Я вышелъ на платформу. Въ правой
рукѣ у меня былъ чемоданъ, въ лѣвой
цвѣткъ.

Странно, но нѣсколько минутъ я
стоялъ совершенно растерянный,
взволнованный, не зная, что сдѣлать.
Наконецъ, я овладѣлъ собой и крик-
нулъ носильщика.

Эта бѣлая гвѣзда до сихъ поръ
хранится у меня въ записной
книжкѣ.

Ал. Станкевичъ.

Осенніе вѣтры.

Вѣтры вы буйные, вѣтры осенние,
Родины милой посланники дальние!
Или несете вы мнѣ утѣшеніе?
Или опять, какъ и прежде, страданія?

**

Что же вы плачете, вѣтры свободы?
Или насмѣшкой вѣтры обидѣли?
Или вамъ вспомнились степи
привольныя?
Или страданія снова увидѣли?

**

Можетъ, привѣтъ отъ друзей мѣ-
принесите:
Слезы отчаянья, тихо про итых?
Или, какъ я, утѣшенія просите,
Всѣми на свѣтѣ, какъ я, позабыты?

**

Нѣть, не грустите, вы, вѣтры осенние!
Мчитесь на лучше на роди-у милую
(Эти порывы для вѣтровъ не послѣдніе)
Съ новою вѣрою, съ новою силою.

**

Певѣсть мою тамъ повѣдайте грустную,
Дождикомъ выгейте слезы горючія,
Мчитесь скорѣе въ дорогу воздушную,
Вѣтры осенне, вѣтры могучіе.

Н. Б.

Надъ моремъ въ Гельсингфорсѣ.

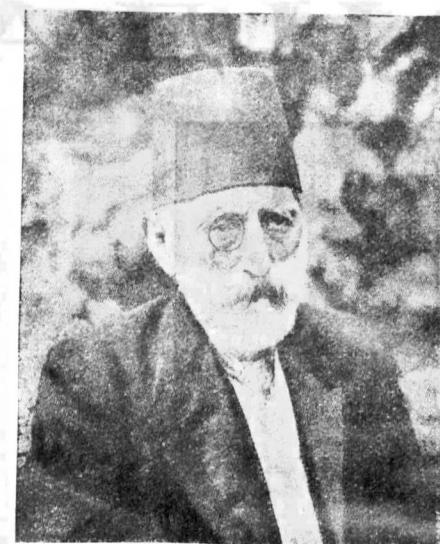
Надъ моремъ сѣвернымъ въ раздумьѣ
я сидѣла,
Волна другой волнѣ шептала свой
привѣтъ.
На море сонное, на скалы я глядѣла
И на мистической, чутъ сумеречной
свѣтѣ.

**

Душа душѣ родной казалася почтной,
И близкимъ стало то, что было далеко...
Гребнистые вѣты шумѣли ёле внятно,
И чайки бѣлыя летали высоко...

**

Въ душѣ воскресло то, что умерло,
казалось,
На мигъ забылась я въ волшебномъ
полу-снѣ,

Турханъ-паша,

турецкій посолъ въ Петербургѣ, давно
отозванный Портой, но продолжавшій
оставаться на срѣмъ посту. На послѣднее требование турецкаго кабинета вернуться въ Константинополь посолъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ выѣхать до тѣхъ
поръ, пока не получитъ невыплачен-
наго ему за нѣсколько мѣсяцевъ жало-
ванья. Только 2-го декабря Порта, наконецъ, отправила послу затребованную сумму. Турханъ-паша дѣжды
былъ великимъ визиремъ.

А. И. Чернай,

въ теченіе 25 лѣтъ состоявшая начальницей
харьковской 2-й женской гимназіи.

Какъ будто позади стрѣда-тья всѣ
остались.
Какъ будто отдала все горе я волнѣ!

**

Надъ моремъ сѣвернымъ нѣмая ночь
спустилась,
Волна ночной волнѣ шептала а свой
завѣтъ...

Нежданная слеза изъ глазъ моихъ
скатилась...
Тому, кто далеко, я грустный шю
привѣтъ.

**

Ольга Малиновская.

СМѢСЬ.

Во сколько обходится праздникъ
Рождества въ Англіи.

Корреспондентъ "Evening Standard"
произвелъ интересный подсчетъ суммы,
которую ежегодно расходуетъ Англія на
празднованіе Рождества.

Согласно этому подсчету общая сумма
рождественскихъ расходовъ достигаетъ у
англичанъ 1 миллиардъ франковъ,

Эта цифра не кажется преувеличен-
ной тѣмъ, кто видѣлъ, какъ справляютъ
англичане Рождество.

Прежде всего, на одни подарки расход-
уется 625 миллионовъ франковъ.

Въ возможныхъ яства и питія обходят-
ся на праздникахъ не меньше 125 мил-
лионовъ франковъ.

На одни рождественскія открытки анг-
личане тратятъ 65 миллионовъ фран-
ковъ, и пчтовые расходы ихъ возрас-
туютъ въ праздничное время до 75 милли-
оновъ.

На развлечения, на посѣщенія театровъ
и кинематографовъ тратится 50 миллио-
новъ франковъ, расходъ на рождествен-
скія еки и на цвѣты бываетъ не менѣе
7,500,000 франковъ.

Знаменитыя вѣтки омелы, украшающія
по традиціи каждыи англійскій "home",
обходятся въ 2,500 000 франковъ. Вся
эта колоссальная сумма, превышающая
въ 2½ раза лондонскій бюджетъ, была
бы вполнѣ достаточна для того, чтобы
въ течѣи пяти лѣтъ содержать всѣ
госпитали, приюты и благотворительныя
учрежденія Лондона,

